

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 9.

ОДНОФАМИЛЬЦЫ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

Г-жи ТАЛЬЦЕВОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МАКАРЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ДУБКОВЪ.

АРКАДІЙ, сынъ его.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА, изъ родственница.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ДУБКОВЪ.

АЛИНА ЗАЛѢСНАЯ, его племянница и сирота.

ЛУКЕРЬЯ, ея няня.

(Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ: въ первомъ отдѣленіи у Макара Гавриловича Дубкова, во второмъ у Петра Ивановича).

ОТДѢЛЕНІЕ I.

I.

ДУБКОВЪ ходить разсерженный взадъ и впередъ по комнатѣ. **МАТРЕНА СЕМЕНОВНА**, сидитъ на диванѣ съ работой.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Нѣтъ, батюшка мой, Макарь Гавриловичъ, никогда еще не видала я тебя въ такомъ расположеніи!.. Что съ тобой случилось, батюшка мой? Съ лѣвой ноги, что ли, изволилъ сегодня съ постели ступить? или прогнѣвалъ тебя кто, батюшка мой? Что съ тобою? Скажи на милость.

ДУБКОВЪ. А то со мной, что я сердить. *(толкаетъ стулъ).*

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Вижу, вижу, мой батюшка! Да на кого же это ты изволишь сердиться?

ДУБКОВЪ. На весь свѣтъ, Матрена Семеновна... Я сердить на всѣхъ, и на себя, и на васъ, и на людей моихъ, и на кучера, и на дворника, и даже вотъ на прохожихъ, которые шатаются на улицѣ. *(подходя къ окну).* Хороши они! Ну, зачѣмъ они тамъ ходять? Ну чего они тамъ въ грязи ищутъ? тфу! вотъ праздность здѣшняя—то! вотъ петербургская—то праздность!.. куда ни посмотри, вездѣ люди. Зачѣмъ не сидятъ дома? да хоть бы мужики по улицамъ ходили, такъ нѣтъ! и дворяне туда же? барское ли дѣло иѣшкомъ—то ходить?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Послушай, Макарь Гавриловичъ! Не даромъ ты сегодня такъ горячишься, ко всему и ко всѣмъ изволишь придираешься; видно у тебя, батюшка ты мой, на душѣ не спокойно, видно тебя кто прогнѣвалъ; ужъ не Аркадій ли Макаровичъ предъ тобой провинился? Что?.. молчишь? видно угадала. *(вздыхая).* Что дѣлать,

батюшка ты мой! дѣтокъ посылаетъ намъ Господь и на утѣшеніе, и на испытаніе. Ну, да молодъ еще! Что жъ, онъ видно огорчилъ тебя сегодня?

ДУБКОВЪ. Ну, огорчилъ, довольно съ васъ? огорчилъ онъ меня негодный!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*въ сторону*). Смерть какъ хочется все вывѣдать. (*громко*). Что жъ онъ, батюшка, поигрывать изволить?

ДУБКОВЪ. Куда ему! Онъ картъ и въ руки не беретъ, еще бы поигрывалъ!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Такъ видно мотать изволить, разоряетъ тебя, батюшка мой, щеголять видно любить?

ДУБКОВЪ. Какое щеголять! Я радъ былъ бы еслибъ онъ щеголялъ, мы всѣ, бывало, мотали да щеголяли!.. въ этомъ стыда нѣтъ никакого. А онъ срамить меня, просто срамить.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Да чѣмъ же, батюшка мой?

ДУБКОВЪ. А тѣмъ, матушка моя, что онъ изъ-подъ тишка изволить писать, да еще печатаетъ; ей-Богу печатаетъ! Я ему сколько запрещаю, а онъ, безсовѣстный, не слушается, пишетъ себѣ, такъ вотъ и пишетъ! и имя свое выставляетъ, а при мнѣ отпирается!.. Вотъ до какого я дожилъ стыда! Мой сынъ, родной мой сынъ въ писаки полѣзъ, посудите сами!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Ну, грѣха тутъ нѣтъ большаго, а конечно, оно занятіе не совѣмъ... не знаю какъ сказать... не совѣмъ того...

ДУБКОВЪ. Ну, да! вотъ и я говорю, что оно не совѣмъ того!.. Что, просто дрянъ дѣло, да и только! А мой Аркадій Макарычъ вбилъ себѣ въ голову для журналовъ писать. Я въ первый разъ случайно увидѣлъ его имя въ книгѣ, а теперь самъ стараюсь ловить его; и что же вы думаете? Рѣдкій мѣсяцъ не отыщу гдѣ нибудь статьи подписанной: *А. Дубковъ*. Вотъ, Матрена Семеновна, отчего онъ и жениться не хочетъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*испуганная*). Какъ, батюшка, и жениться не хочетъ?

ДУБКОВЪ. Я его давно уговариваю жениться... Вѣдь двадцать пять лѣтъ человѣку, а все не женится! Я его и просилъ, и приказывалъ ему... ничего не помогаетъ! Да и не мудрено, коли у него глупости одиѣ въ головѣ! Сегодня я читаю журналъ, опять вижу какую-то статью, подписанную его именемъ, а вѣдь негодяй, всегда отпирается.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Да вотъ онъ самъ никакъ сюда идетъ.

ДУБКОВЪ. Я ему прочитаю нравоученіе, еще разъ добромъ попробую!

II.

ТѢЖЕ АРКАДІЙ вбѣгаетъ и поетъ.

Мы живемъ чтобъ веселиться!
Мы живемъ, чтобы любить!
Долго ль юношѣ влюбиться?
Всѣ заботы позабыть?
Я люблю!.. Чего жъ мнѣ надо?
Грусть умчалась далеко!
Въ сердцѣ вѣчная отрада,
На душѣ теперь легко!
Жизнь полна очарованій!
Жизнь—какъ вѣчная весна,
Свѣтлыхъ, чудныхъ упованій
И поэзіи полна!

ДУБКОВЪ (*принимая важный тонъ*). Послушайте, милостивый государь!

АРКАДІЙ (*весело*). Ахъ, папенька! Вы здѣсь! извините, я васъ не видалъ! Матрена Семеновна, мое почтеніе; я прямо со службы, то-есть, не совсѣмъ прямо, потому что обѣгалъ послѣ того весь городъ.

ДУБКОВЪ. Послушайте, милостивый государь, я хочу съ вами поговорить. Аркадій! Я хочу испытать сперва ласку и доброту, а если они не помогутъ, тогда не прогнѣвайтесь, сударь!

АРКАДІЙ (*садясь на стулъ, потомъ соскочивъ и опять садясь*). Вамъ угодно поговорить со мной?

ДУБКОВЪ (*удерживаясь*). Да, сударь, да, мой другъ... Ты знаешь, что я добръ и ласковъ, но, но видишь ли мой другъ, я долженъ сказать тебѣ, что ты глупъ!

АРКАДІЙ (*вставая*). Помилуйте! (*садясь*). Я не смѣю спорить!

ДУБКОВЪ (*горячась*). Да, ты глупъ и не послушенъ, ну, а впрочемъ ты добрый малый...

АРКАДІЙ. За что же вы на меня гнѣваетесь?

ДУБКОВЪ. Я спрашиваю у тебя еще разъ, зачѣмъ ты не женишься?

АРКАДІЙ (*скопфузясь*). Зачѣмъ?.. зачѣмъ? я не могу... я рѣшительно не желаю...

ДУБКОВЪ. Отвѣчай мнѣ: зачѣмъ ты не женишься?

АРКАДІЙ. Да такъ... призванія нѣтъ...

ДУБКОВЪ. Отвѣчай мнѣ, непокорный сынъ, зачѣмъ ты не женишься? Я хочу, чтобъ ты женился; я предлагалъ тебѣ полъ-дюжины невѣстъ.

АРКАДІЙ. Да вѣдь это слишкомъ много! Куда я съ ними со всѣми дѣнусь!

ДУБКОВЪ. Отвѣчай мнѣ дѣльно, отвѣчай мнѣ откровенно! Зачѣмъ ты не женишься на одной изъ этихъ дѣвушекъ?

АРКАДІЙ. Потому—что онѣ мнѣ не нравятся!

ДУБКОВЪ. Ты мнѣ не хочешь отвѣчать? Такъ слушай же: я, я скажу тебѣ, отчего ты не хочешь жениться, (*вставая*). Оттого, что ты негодяй, что ты не слушаешь моихъ увѣщаній, не хочешь думать о дѣлѣ, и набиваешь себѣ голову пустяками! Оттого, что ты поэтъ, литераторъ, писатель!

АРКАДІЙ (*вставая*). Какъ, паненъка! опять эти нодозрѣнія? вѣдь я клялся вамъ, что не пишу; вы не вѣрите моей клятвѣ, моему честному слову? вы не вѣрите мнѣ, такъ я лжець, по вашему? безчестный человекъ? Боже мой! да что мнѣ дѣлать, чтобъ убѣдить васъ въ моей невинности? Я, право, не въ состояніи ничего сочинить! ну, спросите, какъ я бумаги пишу? ни складу, ни таду; смысла наслу доберешся! куда мнѣ писать!

ДУБКОВЪ. И ты смѣешь еще этимъ тономъ говорить, что начальство тобой недоволено? ай да молодець!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Не горячись, батюшка ты мой.

ДУБКОВЪ. Не приставай ко мнѣ, матушка ты моя. (*Аркадію*) Оттого ты и не можешь дѣловую бумагу написать, что у тебя въ головѣ всякій вздоръ.

АРКАДІЙ. Да я вамъ даю слово, что я давно пересталъ писать. Когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, я, признаюсь, писалъ много чепухи, но тогда я и не отпирался, а теперь пера не беру иначе какъ въ департаментѣ, и тамъ оно у меня изъ рукъ валится.

ДУБКОВЪ (*взявъ со стола журналъ, открываетъ его Аркадію*). А это что, это что, видишь? и ты еще отпираться? Ну, читай! что же ты, читать разучился? Что тутъ написано? ты видишь, несчастный, тутъ написано *А. Дубковъ!* Дубковъ! мое имя, мое имя, поставленное подъ какою-то статейкой!

АРКАДІЙ. Да я даю вамъ слово, что въ первый разъ вижу эту проклятую статью! Помилуйте, развѣ я одинъ на свѣтѣ Дубковъ? тутъ не написано Аркадій, а только одинъ А; мало ли именъ на А? Александръ, Андрей, Аполонъ, Афанасій, Алексѣй, Антіохъ, Алкидъ, мало ли ихъ!

ДУБКОВЪ. А ты, сударь, календарь, что ли? я и безъ тебя знаю русскія имена.

АРКАДІЙ. Послушайте, батюшка, вы оскорбляете меня, потому что не вѣрите ни моимъ клятвамъ, ни моему честному слову; чтоже вы скажете, если я докажу вамъ, что я правъ, если я отыщу моего

однофамильца... провались онъ сквозь землю! я отплачу ему за всѣ непріятности, которыя переношу по его милости! Но чѣмъ вы награждаете меня за несправедливое обвиненіе? Согласны ли вы на условіе, если я докажу вамъ, что я не виноватъ? вы не станете уговаривать меня жениться?

ДУБКОВЪ. Согласенъ.

АРКАДІЙ. По рукамъ.

ДУБКОВЪ. По рукамъ.

АРКАДІЙ. Я вамъ признаюсь, что терпѣть не могу всѣхъ вашихъ невѣсть.

ДУБКОВЪ. Да за что же?

АРКАДІЙ. А за то, что я уже влюбленъ.

ДУБКОВЪ. А кто тебѣ позволилъ?

АРКАДІЙ. Ахъ, пашенька, вѣдь сердце не камень.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (вытирая слезы). Голубчикъ, Аркадій Макарычъ! не гнѣвайся на него, батюшка мой.

ДУБКОВЪ. Ахъ, матушка моя, не надоѣдай мнѣ своимъ хныканьемъ! (сыну) Въ кого же ты влюбленъ, негодяй? кто она такая? дворянка, надѣюсь? богата? а? надѣюсь, что богата? ну, что же ты молчишь!

АРКАДІЙ (сconfузьясь). Право, я не знаю.

ДУБКОВЪ. Да кто жъ она такая? ну, говори же! прачка, кухарка, что ли? я отъ тебя ничего добраго не жду.

АРКАДІЙ (живо). Постойте, батюшка, вы меня оскорбляете.

ДУБКОВЪ. Такъ говори же, такъ назови же, кто она такая, молодая ли, старуха ли.

АРКАДІЙ (живо). Старуха! унаси меня Богъ! нѣтъ, она молода и прекрасна.

ДУБКОВЪ. Дѣвушка?

АРКАДІЙ. Дѣвушка, волшебница, фея!

ДУБКОВЪ. Да вѣдь есть же у нея имя.

АРКАДІЙ. Вѣроятно.

ДУБКОВЪ. Да вѣдь есть же у нея и фамилія.

АРКАДІЙ. Не сомнѣваюсь... но я ни имени, ни фамиліи не знаю.

ДУБКОВЪ. Ахъ ты сумасбродъ, ахъ ты водевильный герой! вѣдь говорилъ я тебѣ, что ты гаунъ! Ну, говори же, гдѣ ты ее видѣлъ? ужъ не во снѣ ли?

АРКАДІЙ. Во снѣ я ее часто вижу, но вижу ее и на яву! но объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ; теперь я бѣгу въ редакцію этого журнала, узнаю тамъ адресъ моего негоднаго однофамильца, привезу его къ вамъ—и невинность моя будетъ яснѣе дня! (хочетъ идти).

ДУБКОВЪ. Хорошо, ступай! (*опомнясь*) Нѣтъ, погоди! ты тамъ какъ-нибудь еще сплутуешь, подкупишь кого-нибудь!..

АРКАДІЙ. О, папенька, это ужъ слишкомъ! подумайте, каково вамъ будетъ, когда вы узнаете, что ваши подозрѣнія не справедливы.

ДУБКОВЪ (*въ сторону*). А вѣдь въ самомъ дѣлѣ стыдно будетъ! (*сыну*) Ну, ступай, ступай!

АРКАДІЙ. До свиданія! (*хочетъ идти*).

ДУБКОВЪ. Постой, постой! пойдемъ лучше вмѣстѣ.

АРКАДІЙ (*съ трудомъ удерживаясь*). Извольте! Пойдемте вмѣстѣ.

ДУБКОВЪ (*беретъ шляпу и палку*). Тебѣ не такъ скучно будетъ: вдвоемъ веселѣе.

АРКАДІЙ (*принужденно*). Конечно!

ДУБКОВЪ (*останавливаясь, въ сторону*). Нѣтъ, лучше одинъ пойду, у нихъ тамъ, пожалуй, какія-нибудь, пантомимы явятся. (*сыну*) Знаешь ли что, Аркадій? ты посиди-ка дома съ Матреной Семеновной, а я одинъ пойду!.. ты вѣдь усталъ, бѣдный! я достану адресъ, да и принесу сюда.

АРКАДІЙ. Я, право, не усталъ.

ДУБКОВЪ. Нѣтъ, усталъ! (*горячась*) Я тебѣ говорю, что ты усталъ!.. даже поблѣднѣлъ! (*ласково*) До свиданія, мой другъ, до свиданія Матрена Семеновна!

АРКАДІЙ. Зачѣмъ же вы сами беспокоитесь, право? пустите лучше меня!

ДУБКОВЪ (*топая ногой*). Ни съ мѣста, сударь! (*уходитъ*).

III.

АРКАДІЙ и МАТРЕНА СЕМЕНОВНА.

АРКАДІЙ (*ходитъ скорыми шагами взадъ и впередъ по комнатѣ*). Нѣтъ, это рѣшительно ни на что не похоже!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*бѣгая за нимъ*). Аркадій Макарычъ! батюшка мой.

АРКАДІЙ (*незамѣчая ее*). Я убью моего однофамильца, на дуэли убью!..

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*держая ее за платье*). Скажи мнѣ, батюшка.

АРКАДІЙ. Ахъ, добрая моя Матрена Семеновна! извините, я совсѣмъ забылъ про васъ. Сядемте, да поговоримте. Вѣдь съ моей стороны глупо огорчаться, не правда ли?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Правда, батюшка мой, правда!

АРКАДІЙ. Я согласенъ съ вами! Все это кончится какъ нельзя лучше. Батюшка увидить, что онъ предо мной виноватъ; я познакомлюсь съ моей восхитительной незнакомкой,—онъ насъ благословить, я женюсь на ней, — мы заживемъ на славу; да, да, глупо унывать, неправда ли?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Правда, правда, мой батюшка!

АРКАДІЙ. Вотъ я люблю веселыхъ людей—какъ вы да я, Матрена Семеновна.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*въ сторону*). А вѣдь безъ старика—то здѣсь гораздо веселѣе.

АРКАДІЙ (*напѣвая*).

Мы живемъ чтобъ веселиться,
Мы живемъ чтобы любить!

Неправда ли, Матрена Семеновна?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*смѣясь*). Нашелъ у кого спрашивать! да я, батюшка, и помнить—то не помню, что такое любовь.

АРКАДІЙ. Полноте, Матрена Семеновна, вы живете, значить вы любите, еслибъ вы не жили, вы не любили бы... то—есть, еслибъ вы не любили, вы бы не жили... понимаете?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Понимаю, батюшка, понимаю.

АРКАДІЙ. Ну, вотъ видите, и вы любите, и я люблю. Я люблю весь свѣтъ, всѣхъ людей, исключая невѣсты, которую папенька мнѣ предлагаетъ... Но больше всѣхъ, больше всего въ мірѣ люблю я одну дѣвушку, о которой я вамъ говорилъ.

Да, я влюбленъ, судите сами,
Могу ли думать о другомъ?
Душа наполнена мечтами,
И голова идетъ кругомъ!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Да расскажи—ка ты мнѣ, гдѣ ты ее видѣлъ?

АРКАДІЙ. Другъ мой, Матрена Семеновна, вы годами не молоды, но сердце у васъ горячее! я вамъ все расскажу.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*съ любопытствомъ*). Расскажи, расскажи, батюшка, правда твоя, что сердце у меня горячее; а какое оно въ старину бывало, у, страшно, просто!

АРКАДІЙ. Ну, теперь слушайте: каждый день, выходя изъ департамента, встрѣчаю я одного ночтеннаго старика и восхитительную, милую, прелестную дѣвушку; должно быть она его дочь!.. Старичекъ

всегда молчить, за то она все время болтаетъ — да вѣдь какъ умно, мило! а старикъ на все отвѣчаетъ *и.и.*! Я каждый день встрѣчаю ихъ, иногда позволяю себѣ слѣдить за ними, подслушивать слова прелестной дѣвушки... Ну, я, разумеется, и влюбился въ нее. Еслибъ вы знали, какъ она умна, мила, кротка! Это видно по глазамъ ея, и она всегда краснѣетъ, когда я на нее смотрю... а я очень часто смотрю на нее!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Ахъ, мой сердечный, какъ же ты ея имя не узналъ?

АРКАДІЙ. Сколько разъ пробовалъ, да невозможно! Я знаю домъ, въ которомъ они живутъ, да, домъ-то такой огромный! а слѣдить за ними до квартиры не смѣю. Разъ было взошелъ съ ними на дворъ, да она такъ на меня посмотрѣла, что я и назадъ!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Ну, у дворника бы спросилъ.

АРКАДІЙ. Какъ не спросить! Но дворникъ грубиянъ, «мало ли здѣсь, говорить, стариковъ живетъ!» Я еще когда нибудь прибью этого негодяя... Но что это за шумъ?

IV.

ТѢМЪ И ДУБКОВЪ вбѣгаетъ.

ДУБКОВЪ. Сынъ мой, обними меня! Аркаша мой, я презъ тобою виновать! (*цѣлуетъ его*).

АРКАДІЙ. Видите, шашенька!

ДУБКОВЪ. Ну, совѣстно мнѣ, совѣстно... да я радъ!.. какъ камень съ сердца; теперь бы только женить тебя!

АРКАДІЙ (*съ испугомъ*). Помилуйте! вы мнѣ обѣщали не принуждать...

ДУБКОВЪ. Ну да, ну да, Богъ съ тобой... теперь пойдемъ къ негодному однофамильцу, я досталъ его адресъ.

АРКАДІЙ. Такъ зачѣмъ же намъ итти къ нему?..

ДУБКОВЪ. А чтобъ заставить его иначе подписывать свое имя, чтобъ никто не могъ на тебя думать!

АРКАДІЙ. Да вѣдь вы теперь знаете, что не я ишу, а до другихъ что намъ за дѣло!

ДУБКОВЪ. Я тебѣ говорю, что ты глупъ! я его заставлю подписывать свое имя и отчество, а не то, пусть онъ откажется отъ фамиліи...

АРКАДІЙ. Да вѣдь это невозможно! Вы не имѣете никакого права.

ДУБКОВЪ (*горячась*). А вотъ я имъ докажу, какое я имѣю право! да и ты, баба, забыль, что обѣщалея отмстить ему!

АРКАДІЙ. Совсѣмъ забылъ!

ДУБКОВЪ. Такъ пойдемъ же, пойдемъ!

АРКАДІЙ. Погодите, папенька...

ДУБКОВЪ. Не хочу я ждять, не хочу! онъ долженъ быть сговорчивъ, старикъ, говорятъ, такой тихій, молчаливый, живетъ съ племянницею, вотъ и адресъ.

АРКАДІЙ (*глядя на бумагу*). Ай!

ДУБКОВЪ. Ну, что тамъ опять съ тобой?

АРКАДІЙ (*Матрени Семеновнѣ*). Старичекъ, тихій, съ племянницею, и улица, домъ! это онъ, это онъ!

ДУБКОВЪ. Кто онъ?

АРКАДІЙ. Не ходите къ нему, папенька: это онъ, это она! это они! это ихъ домъ!

ДУБКОВЪ. Матрена Семеновна! что съ нимъ случилось?

АРКАДІЙ. Не ходите, умоляю васъ! оставьте его въ покоѣ (*береть отца за руку*).

ДУБКОВЪ. Да отвяжись отъ меня, сумасшедшій, я боюсь тебя!

АРКАДІЙ. Я самъ пойду; я все устрою, я вамъ говорю, что я все устрою!

ДУБКОВЪ. Послушай, братъ, ты или пьянъ, или рехнулся... отвяжись отъ меня (*хочетъ идти*).

АРКАДІЙ И МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*удерживая его*). Не ходите, не ходите.

ДУБКОВЪ (*стараясь освободиться*). Да что съ вами сдѣлалось? Провалитесь вы сквозь землю!

АРКАДІЙ. Вы вспыльчивы, мнѣ его жаль! предоставьте мнѣ самому, я все сдѣлаю осторожно, деликатно... я пойду...

ДУБКОВЪ. Нѣтъ, тутъ что-то кроется! ты меня видно надуть хочешь! видно все это сказка! Нѣтъ, братъ, стараго воробья пѣснями не кормятъ.

АРКАДІЙ. Матрена Семеновна, помогите! (*останавливаетъ отца*).

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Нѣтъ, батюшка, боюсь! неравно приколотить!

ДУБКОВЪ. Аркадій, оставь меня, или тебѣ придется плохо!

АРКАДІЙ. Дайте мнѣ слово, что вы будете ласковы съ старикомъ.

ДУБКОВЪ. Даю тебѣ слово, что наговорю ему тысячу дерзостей потому, что ты мнѣ надоѣлъ!

АРКАДІЙ. Батюшка! умоляю васъ!

ДУБКОВЪ. Ты не въ своемъ умѣ, я съ тобой не стану словъ терять. (*уходитъ*).

АРКАДІЙ (*кричитъ ему вслѣдъ*). Не ходите!.. ради Бога!.. я женюсь, право женюсь, только не уходите!

ДУБКОВЪ (*за дверью*). Прощай!..

АРКАДІЙ (*съ отчаяньемъ*). Матрена Семеновна! я погибъ!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Такъ бѣги за нимъ, бабушка, все лучше какъ вмѣстѣ—то прійдете!

АРКАДІЙ. Бѣгу, бѣгу!.. (*уходитъ*).

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. А мнѣ-то что здѣсь одной дѣлать? меня такъ туда и тянетъ... Пойду-ка съ ними! (*уходитъ*).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бѣдно, но чисто-убранная комната.

I.

АЛИНА, сидитъ у стола и пошегъ, **ЛУКЕРЬЯ**.

АЛИНА (*засыпавъ несколько тетрадь свертываетъ ее*). Вотъ и кончено! Сдѣлай одолженіе, нянюшка, снеси куда слѣдуетъ эту бумагу, скажи, какъ всегда, что отъ Дубкова... Только смотри, чтобъ дяюшка не поймалъ!.. Онъ сюда идетъ, ступай скорѣе, нянюшка!.. (*Лукерья уходитъ*).

II.

ТѢЖЕ И ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ДУБКОВЪ.

АЛИНА (*бѣжитъ къ нему навстрѣчу*). Вы читали, дяюшка, вы совсѣмъ не бережете глазъ, а они у васъ такъ слабы!.. Развѣ вы не знаете, что вы должны читать моими глазами?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*цѣлуя ее въ лобъ*). Знаю. (*Садится на диванъ*).

АЛИНА. Не угодно ли, я вамъ почитаю вслухъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Нѣтъ.

АЛИНА. Чѣмъ же вы теперь займетесь? хотите поиграть въ шашки?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Надоѣло.

АЛИНА. А въ пакетъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Не хочется.

АЛИНА. Такъ я сяду возлѣ васъ съ работой...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Хорошо.

АЛИНА (*садится возлѣ него съ работой*). А вы бы закурили трубку.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Пожалуй!

АЛИНА (*вставая*). Я вамъ ее принесу.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Послѣ.

АЛИНА. Хорошо, а теперь мы поболтаемъ, поговоримъ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Поговоримъ.

АЛИНА. Я такъ рада, что вы сегодня въ духѣ, веселы, здоровы, а на той недѣлѣ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Былъ боленъ.

АЛИНА. А вѣдь вы сами были виноваты!.. вы себя такъ изнуряли занятіями!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Денегъ надо.

АЛИНА. Ахъ, Боже мой, будто у насъ мало денегъ, ради Бога не думайте о нихъ! вы только себя берегите... Я теперь такъ выучилась хозяйничать, что мы проживемъ одною пенсіей!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Не прожить.

АЛИНА. Полноте, полноте, дядюшка!.. вѣдь у насъ денегъ вдоволь; нынѣшній мѣсяцъ мы можемъ даже купить себѣ обновку.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Какую?

АЛИНА (*весело*). Вамъ нуженъ теплый сюртукъ... а мы люди богатые, можемъ позволить маленькую роскошь...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Удивительно!

АЛИНА. Ничего нѣтъ удивительнаго! я прежде не умѣла распоряжаться деньгами, а теперь выучилась... Вотъ въ чемъ заключается вся тайна нашего благосостоянія!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Сюртукъ не нуженъ.

АЛИНА. Нуженъ, нуженъ! Прошу со мной не спорить, дядюшка! вамъ нужно теплое платье; у насъ въ комнатахъ иногда бываетъ холодно...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Ты все обо мнѣ!

АЛИНА. Полноте, дяденька! не стыдно ли вамъ это говорить? А кто думалъ обо мнѣ, когда я осталась безпріютная и беззащитная послѣ смерти родителей? Кто выросилъ, воспиталъ, приласкалъ бѣдную сиротку? Кто былъ ей отцомъ, другомъ, защитникомъ?

Кто велъ меня заботливой рукою,
По жизненной стеѣ?
Кто охранялъ отеческой душою,
Сиротку на землѣ?
Кто окружилъ любовью неизмѣнной
Младые дни мой?
Кто ввѣлъ меня подь кровь благословенный
Отеческой любви?..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Перестань!

АЛИНА. Но что это за шумъ? Кто-то сюда бѣжитъ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Странно!

III.

ТѢМЪ и **ДУБКОВЪ** вбѣгаетъ, за нимъ **АРКАДІЙ**, **МАТРИНА СЕМЕНОВНА** и **ЛУКЕРЬЯ**.

АРКАДІЙ (*съ отчаяніемъ удерживая отца*). Батюшка! погодите!
что вы дѣлаете?

ДУБКОВЪ. Отвяжись отъ меня. Вотъ онъ! вотъ мой злодѣй!

ЛУКЕРЬЯ. Да кого вамъ надо? Пьяные, что ли вы, что врываетесь
насяльно къ незнакомымъ людямъ?

ДУБКОВЪ. Молчи, старуха! я съ тобою не говорю.

АЛИНА (*въ сторону*). Боже мой! это тотъ молодой человекъ! я
узнаю его...

ДУБКОВЪ. Я пришелъ сюда ..

МАТРИНА СЕМЕНОВНА. Да ты рехнулся, батюшка мой!

ДУБКОВЪ. А ты сама зачѣмъ сюда прибѣжала, матушка? тебя кто
просилъ?

АРКАДІЙ. Батюшка, опомнитесь!.. смотрите, вотъ и хозяева...

ДУБКОВЪ. Тѣмъ лучше. (*подходя къ Петру Ивановичу*). Вы
Петръ Ивановичъ Дубковъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Я!

АРКАДІЙ. Ради Бога, не подумайте...

ДУБКОВЪ (*сыну*). Говорятъ тебѣ молчать! (*старик*). Очень радъ
съ вами познакомиться... мы однофамильцы!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Гмъ!

АРКАДІЙ. Я не виноватъ!.. право, это не я...

ДУБКОВЪ (*топая ногой*). Ни слова больше, непокорный сынъ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Объяснитесь.

ДУБКОВЪ. Мы однофамильцы... къ величайшему моему сожалѣнію!..
Вы пишете для журналовъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Писалъ.

ДУБКОВЪ. И пишете... а подозрѣніе падаетъ на моего сына, на Аркадія Дубкова, поэтому извольте впредь выставлять ваше имя и отчество, чтобъ никто не подумалъ на моего сына, или я на васъ просьбу подамъ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*хладнокровно показывая на дверь*). Прощу васъ!..

ДУБКОВЪ. Какъ? уйти? нѣтъ, не уйду, не уйду!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*повторяетъ жестъ*).

ДУБКОВЪ. Говорятъ вамъ, что я не уйду, пока мы не объяснимся! Будьте вы нѣмы, какъ сама Фенелла,—я заставлю васъ говорить!

АРКАДІЙ. Батюшка! батюшка! пойдѣте домой! умоляю васъ.

ДУБКОВЪ. Оставь меня въ покоѣ; а вы, милостивый государь, писатель, выслушайте меня!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*Лукерья*). Ступай за полиціей!

АРКАДІЙ (*въ отчаяніи*). Господи! до чего мы дожили! (*ходитъ какъ сумасшедшій по комнатѣ, Матрена Семеновна бѣгаетъ за нимъ, стараясь его утѣшить, но онъ не слушаетъ*).

ДУБКОВЪ (*горячась*). Дайте мнѣ слово, что вы перемѣните вашу подпись. Зачѣмъ вы подписываете *Азъ Дубковъ*? моего сына зовутъ Аркадіемъ.

АЛИНА. Боже мой, дядюшка все узнаетъ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*выходя изъ себя*). Меня зовутъ Петромъ.

ДУБКОВЪ. Такъ кто же у васъ тутъ пишетъ? мнѣ дали вашъ адресъ... Есть у васъ сынъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*показывая дверь*). Прощу васъ!

ДУБКОВЪ. Опять? нѣтъ милостивый государь, я не уйду, не уйду и не уйду! (*садится на стулъ*).

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*беретъ Алину за руку*). Такъ мы уйдемъ! (*уходитъ въ сосѣдную комнату съ Алиной, Дубковъ бѣжитъ за ними*).

IV.

АРКАДІЙ, МАТРЕНА СЕМЕНОВНА, ПОТОМЪ АЛИНА.

АРКАДІЙ. Матрена Семеновна! я несчастный!.. Несчастный, пренесчастный!.. Вѣдь это она, она, она!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Никакъ батюшка твой совсѣмъ изъ ума выжилъ!

АРКАДІЙ. Матрена Семеновна!.. я сейчас иду топиться.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Что ты? Ахъ грѣхъ какой, Господи!

АЛИНА (*вбѣгаетъ*). Дядюшка всѣ узнаетъ! Милостивый государь, умоляю васъ уговорить вашего батюшку!

АРКАДІЙ (*внѣ себя*). Я не виноватъ!.. я радъ для васъ жизнь отдать!.. Я сейчас иду топиться!

АЛИНА. Что съ вами? Послушайте! я объясню вамъ все. Во всемъ виновата я. Эти статьи, подписанныя именемъ дядюшки, сочинены мной, дядюшка этого не знаетъ.

V.

ТѢЖЕ, ДУБКОВЪ и ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

ДУБКОВЪ (*немного успокоенный*). Ну, хорошо, хорошо, согласенъ! пойдемте въ редакцію!.. вы не станете больше отпираться.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Пойдемте.

АЛИНА. Все прошло!

АРКАДІЙ (*останавливая отца*). Не ходите, папенька, я вамъ все объясню.

ДУБКОВЪ (*вспыльчиво*). Опять ты? что тебѣ еще надо?

АРКАДІЙ. Батюшка! я не смѣю долѣе скрываться отъ вашего гнѣва...

ДУБКОВЪ. Что?

АРКАДІЙ. Вы видите... Вы видите предъ собой...

ДУБКОВЪ. Что? что? говори! не мучь, не терзай, говори же!

АРКАДІЙ. Васъ обманули адресомъ...

ДУБКОВЪ. Ну, еще что?

АРКАДІЙ. Я писалъ для журнала!

ДУБКОВЪ. Наказаніе мнѣ! Хорошо, братъ, хорошо!.. не показывайся мнѣ съ этой минуты на глаза!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Батюшка, укроти свой гнѣвъ!

ДУБКОВЪ. Не ваше дѣло до моего гнѣва, матушка! (*Петру Ивановичу*). Да-съ, виноватъ, виноватъ предъ вами но вы видите во мнѣ самаго несчастнаго отца. (*Ходитъ разсерженный по комнатѣ*).

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Не понимаю.

АЛИНА (*тихо Аркадію*). Благодарю! я этого никогда не забуду!

АРКАДІЙ (*взявъ ея руку*). Я... я невыразимо счастливъ! (*въ сторону*). А признаться, отъ папеньки будетъ мнѣ плохое житье!

ДУБКОВЪ. Такъ ты меня обманывалъ? ты лгалъ безсовѣстно? И ты смѣешь послѣ этого на меня глаза поднять? и ты не умерь со стыда?

АРКАДІЙ. Нѣтъ еще, батюшка! и пожить мнѣ очень хочется, (*весело*). Да полноте же на меня сердиться!.. впередъ не стану, даю вамъ мое слово! Я виноватъ—и концы въ воду!.. Все прекрасно, все хорошо, и я счастливъ! (*смотря на Алину*). Я счастливъ! я на вер-ху блаженства!

ДУБКОВЪ. Аркадій! несчастный! ты съ ума сошелъ! да что съ тобой случилось? здоровъ ли ты?

АРКАДІЙ. Здоровъ, здоровъ и веселъ, какъ видите!

ДУБКОВЪ. Погоди-ка, погоди-ка, будетъ тебѣ у меня весело! ты не думай, что тебѣ это даромъ пройдетъ!

АРКАДІЙ. А покуда успокойтесь, подите домой!

ДУБКОВЪ. А ты?

АРКАДІЙ. А я здѣсь останусь!.. если мнѣ позволятъ...

ДУБКОВЪ. Я тебѣ не позволяю!.. я съ этой минуты отъ тебя ни на шагъ...

АРКАДІЙ (*живо*). Вы шутите?

ДУБКОВЪ. Нѣтъ, братъ, я шутить не охотникъ, Въ наказаніе за твою дерзость, за твое непослушаніе, за твою неблагодарность я...

АРКАДІЙ. Вы?..

ДУБКОВЪ. Я... съ этой минуты, буду слѣдовать за тобою какъ тѣнь твоя.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Ну, ужъ признаюсь!

ДУБКОВЪ. Не ваше дѣло, матушка; что вы все мѣшаетесь? Да, Аркадій, я буду теперь за тобой неусыпно наблюдать! . Мы теперь неразлучны...

ЛУКЕРЬЯ (*входитъ*). Батюшка, Петръ Ивановичъ! пожалуйста въ переднюю, сосѣди сбѣжалъ, васъ просятъ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Сейчасъ вернусь. (*Уходитъ съ Лукерьей*).

VI.

ТѢМЪ, безъ ПЕТРА ИВАНОВИЧА.

ДУБКОВЪ. Скажите, онъ какъ будто ни въ чемъ не бывало! такъ спокоенъ, какъ будто дѣло сдѣлалъ! Пстой-ка позть, доберусь я до тебя!

АЛИНА. Позвольте, милостивый государь, я хочу поговорить съ вами,

пока здѣсь нѣтъ дядюшки. Выслушайте меня. Вашъ сынъ обманываетъ васъ.

ДУБКОВЪ. Что? какъ? опять обманываетъ!

АЛИНА. Онъ взялъ на себя мою вину, если это вина—чтобъ за гладить вашу опрометчивость, которая чуть было не уничтожила мое спокойствіе. Я не считаю нужнымъ оправдывать себя, но хочу доказать вамъ, какъ необходимо мнѣ сохранить тайну, отъ которой зависить все наше благосостояніе.

ДУБКОВЪ. Чтò у васъ тамъ еще за тайна? У меня отъ тайнъ голова болитъ!..

АЛИНА (*скоро и съ жаромъ*). Дядюшка трудился всѣми силами, чтобъ доставить мнѣ воспитаніе. Я обязана ему всѣмъ. Старость и болѣзнь принудили его покинуть службу и мало по малу прекратить прежнія занятія. Мы начали испытывать нужду; въ хозяйствѣ появились недостатки, долги. Я давно уже писала въ тайцъ,—теперь стала печатать. Съ этой минуты все время мое посвящено труду; но дядюшка этого не знаетъ и не долженъ знать. Я пишу подъ именемъ дядюшки, выставляя только первую букву моего имени. Иногда испытывала я неудачи, но не унывала—и наконецъ достигла своей цѣли. Статьи мои почти всегда приняты, и благосостояніе вновь воскресло въ нашемъ маленькомъ хозяйствѣ.

ДУБКОВЪ. Ай—да молодецъ, барышня, ей—Богу молодецъ!

АЛИНА (*весело*). И я счастлива, невыразимо счастлива! Умоляю васъ, ради всего, что вамъ дорого въ мірѣ, увѣрить дядюшку, что сынъ вашъ въ самомъ дѣлѣ пишетъ противъ вашего желанія, а я даю вамъ слово перемѣнить псевдонимъ.

ДУБКОВЪ. Извольте, извольте, на все для васъ готовъ! Да вы—то? какъ же вы—то?..

АЛИНА. О, я вполне счастлива... Добрый дядюшка!

Я выразить вамъ не могу словами,
Какъ рада быть опорой я его,
Какъ сладко мнѣ усердными трудами,
Покоить старость друга моего!

Его любовь мнѣ счастье подарила,
Отъ зла меня умѣла оградить,
Его любовь всегда меня хранила,
Моя любовь должна его хранить!..

АРКАДІЙ. Что же, батюшка, что вы теперь скажете?

ДУБКОВЪ. Я скажу... я скажу... да ты самъ за меня говори, Аркадій! Не можешь мнѣ развѣ помочь?

АРКАДІЙ. А я скажу, что... что...

ДУБКОВЪ (*Матрени Семеновнѣ*). О чемъ вы тутъ разрюмились, слезами заливааетесь?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*всхлываетъ*). Вѣдь сердце-то у меня...

ДУБКОВЪ (*Алинѣ*). Да вотъ, по-просту: Простите меня, и позвольте ручку поцѣловать! (*хочетъ поцѣловать ея ручку, Аркадій живо подвертывается*).

АРКАДІЙ. Нѣтъ, папенька, это ужъ мое дѣло! (*цѣлуетъ ея руку*). Извините! Но я такъ счастливъ, что готовъ всѣхъ обнять!.. Матрена Семеновна обниметесь!.. (*обнимаетъ ее*).

VII.

ТѢЖЕ. И ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Сосѣди сбѣжались

ДУБКОВЪ. А вы что же?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Отправилъ ихъ.

ДУБКОВЪ. Извините за хлопоты и неприятности... Все Аркадій виноватъ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Другой разъ не приходите.

АРКАДІЙ. Какъ! не приходите? нѣтъ, полноте! вы, ради Бога, простите меня и позвольте посѣщать васъ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Зачѣмъ?

АРКАДІЙ (*весело*). Затѣмъ, что мы люди честные, добрые и веселые... Мы васъ полюбили, вы насъ полюбите, и все кончится благополучно. Ура! все на свѣтѣ къ лучшему. Не правда ли, Матрена Семеновна!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Правда, правда, мой батюшка.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*глядитъ на Аркадія*). Вотъ чудакъ!

АЛИНА (*тихо ему*). Но вы полюбите этого чудака, дядюшка!

АРКАДІЙ (*отводя отца въ сторону*). Папенька! вы о другихъ невестахъ отложите попеченіе, а вотъ, если со временемъ вы мнѣ предложите эту невесту, такъ я буду счастливѣйшій человекъ въ мірѣ...

ДУБКОВЪ. Увидимъ, увидимъ! да пойдетъ ли она за тебя?

АРКАДІЙ. Какъ знать? Мое правило— надѣяться, всегда надѣяться, всегда радоваться, всегда веселиться! Неправда-ли, Матрена Семеновна, глупо увывать?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Глупо, глупо, мой батюшка!

АРКАДІЙ. Да здравствуетъ веселье, радость и любовь!

Мы живемъ, чтобъ веселиться;

Мы живемъ, чтобы любить!

Долголь юношѣ влюбиться,

Всѣ заботы позабыть?

Неправда ли, Петръ Ивановичъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*смысь*). Ай да молодець!

АРКАДІЙ (*отцу*). Мой старикъ становится краснорѣчивъ! онъ меня ужъ полюбилъ! Одна только у меня теперь забота (*показывая на публику*).

Нашъ авторъ далъ мнѣ порученье

Судей взыскательныхъ смягчить,

И ихъ вниманье, снисхожденье

Къ *Однофамильцамъ* испросить.